

E.M. HARRIS. Aeschines and Athenian Politics. N.Y. – Oxf.: Oxford University Press, 1995. X, 223 p.

История Эллады в IV в. до н.э. остается одной из наиболее волнующих историков античности тем. Проблемы так называемого кризиса полиса, возвышения Македонии и утраты Грецией своей независимости, их причин и обстоятельств по-прежнему привлекают внимание исследователей. Естественно, особое внимание уделяется Афинам и столь же естественно, что одним из наиболее важных вопросов в таком случае становится вопрос о характере политической борьбы в Афинах, и здесь на первое место выходят фигуры двух протагонистов – Демосфена и его непримиримого врага – Эсхина.

Отражением постоянного интереса к этим фигурам являются книги, представляющие собой их политические биографии. Совсем недавно вышла в свет книга известного специалиста по истории Греции IV в. до н.э. К. Моссе о Демосфене¹, которая вызывает значительный интерес несмотря на свой научно-популярный характер².

Объектом рассмотрения в данной рецензии служит биография другого крупнейшего политического деятеля Афин той же эпохи – Эсхина, написанная молодым историком Э.М. Харрисом. В «Предисловии» к своей книге автор объясняет причины появления ее. Он справедливо указывает, что в последние годы не было настоящих исследовательских работ об Эсхине, тогда как его речи представляют собой один из главных источников по истории греческого мира в поворотный ее момент. Все сказанное заставляет еще раз обратиться к этой незаурядной личности.

Книга состоит из «Введения», семи глав основной части и «Заключения». В конце ее имеется несколько «дополнений», посвященных отдельным частным вопросам, и «Указатель». Глава первая называется «Кому верить?», вторая – «Семья, ранняя карьера и начало политической деятельности» (параграфы: «Семейное окружение», «Ранняя карьера», «Вступление Эсхина в политику»), третья – «Знакомство с Филиппом» (параграфы: «Афины и Македония к 348 г. до н.э.», «Решение начать переговоры с Филиппом», «Первое посольство»), четвертая – «Наконец-то мир» (параграфы: «Первое посольство возвращается в Афины» и «Заседание народного собрания 18, 19 и 25 элафеболлиона»), пятая – «Конец Третьей священной войны» (параграфы: «Второе посольство», «Заседание Совета после возвращения второго посольства и заседание Народного собрания 16 скирофориона», «Покорение Фокиды», «Осуждение Тимарха»), шестая – «Между двумя войнами», седьмая – «Упадок и уход» (параграфы: «От осады Византия до битвы при Херонее» и «В ожидании последнего действия»). В «Заключении» автор достаточно кратко подводит итоги своего исследования.

Оглавление показывает, что Э.М. Харрис должен был, в силу самих особенностей материала, рассматривать не только собственно биографию Эсхина, но и целый ряд важнейших вопросов политической истории Афин и Эллады в целом.

Начиная свою книгу, он справедливо оценивает десятилетие 348–338 гг. до н.э. как критическое в греческой истории. До этого года Македония, в сущности, оставалась маргинальным политическим образованием эллинского мира, которому не удавалось играть сколь-нибудь серьезной роли в греческих делах. Попытки территориальной экспансии в V в. до н.э. были остановлены Афинским морским союзом, а в начале IV в. до н.э. – Спартой и Фивами. Только битва при Мантинее в 362 г. до н.э. сняла барьеры перед македонской экспансией, и вззошедший на престол в 359 г. до н.э. Филипп II умело воспользовался новыми обстоятельствами. Он смог стабилизировать внутреннюю ситуацию в стране, увеличил ее военный потенциал, и благодаря этому те возможности, которые появились у Македонии, были реализованы. К 348 г. до н.э. македонский царь достиг значительных успехов. Были разбиты племена пеонийцев и иллирийцев, перестала существовать Халкидская лига, а центр ее – Олинф – был захвачен, македоняне и их союзники фессалийцы разгромили фокидян. Но все эти успехи были только прелюдией к тому, что произошло позднее. Через десять лет Филипп стал полным хозяином в Элладе и начал войну с Персией, которую победоносно завершил его сын.

Естественно, встает вопрос, почему все это стало возможным и каким образом произошло. Такой вопрос задавали себе древние, задают его себе и современные историки. Один из возможных ответов был предложен Демосфеном, который утверждал, что главная причина

¹ *Mossé Cl. Démosthène ou les ambiguïtés de la politique. P., 1994.*

² См. нашу рецензию на данную книгу: ВДИ. 1996. № 2. С. 218–221.

поражения греков – наличие среди них предателей, которые были подкуплены Филиппом и срывали все усилия по организации сопротивления македонской экспансии. Он поименно называл их, и в его «черном списке» оказались такие политические деятели, как Фрасилох из Мессены, Даох из Фессалии и, разумеется, афинянин Эсхин. Влияние Демосфена на современников было огромным, очень велико оно и на историков последующего времени. Оценки, даваемые им отдельным лицам, как и его интерпретации событий, весьма часто оказывают решающее воздействие на суждения исследователей нового времени. Естественно, что враждебное отношение Демосфена к Эсхину сильно повлияло на всю последующую историографию. Хотя сейчас редко кто из исследователей слепо повторяет слова великого афинского оратора, тем не менее, пусть и в несколько смягченной форме, его сугубо негативная оценка Эсхина продолжает жить в современной науке.

В связи с этим важно детальное исследование деятельности Эсхина, в частности, выявление тех мотивов, которыми он руководствовался, вырабатывая свою политическую линию и методы ее осуществления. Следующий вопрос, который ставит автор, – уяснение причин принятия афинянами политической линии, проводимой Демосфеном, и отвержение ими политики Эсхина.

Э.М. Харрис особое внимание обращает на характер источников, имеющих в нашем распоряжении для решения этих вопросов. Он справедливо отмечает, что основой наших знаний служат судебные речи, произнесенные Эсхином и Демосфеном. Хотя можно и нужно использовать и иные свидетельства (сообщения Плутарха в его биографиях, в частности, в «Жизнеописаниях» Демосфена, Фокиона и Александра, соответствующие разделы трудов Диодора и Юстина, сохранившиеся фрагменты из утраченных исторических сочинений Анаксимена, Андротиона, Деметрия Фалерского, Дуриса Самосского, Гермиппа, Идомея, Марсия, Филохора и Феопомпа, а также некоторое количество надписей), тем не менее ни один из этих источников не сообщает ни одного факта, который мы бы не знали из речей Демосфена и Эсхина.

Стремясь выявить своеобразие именно этой категории источников, Э.М. Харрис обращается к афинской судебной практике. Афинский суд обладал своеобразными особенностями, сильно отличающимися от современного суда. Прежде всего, суд представлял собой очень мощное оружие в политической борьбе: поражение обвиняемого в судебном процессе, подобно тем, в которых участвовали Эсхин и Демосфен, могло означать смерть, изгнание или конфискацию имущества, с другой стороны, если обвинитель не мог собрать более одной пятой голосов судей, он должен был уплатить тысячу драхм и более не имел права выступать обвинителем ни по какому другому общественному делу. Все это приводило к большому накалу страстей во время процесса, а поскольку афинский суд проходил по своеобразной процедуре, то и обвинитель и обвиняемый в своих речах могли использовать не только твердо установленные факты, но и всякого рода слухи, предположения, не исключая и прямой клеветы. Сложность в изучении такого вида источников состоит не только в том, что часто Эсхин и Демосфен давали различную интерпретацию одним и тем же фактам, но еще больше в том, что они по-разному описывали сами произошедшие события. Вдобавок, и Эсхин, и Демосфен иногда одно и то же событие в различных речах сами описывают по-разному.

В таких условиях при оценке сведений, сообщаемых ораторами, необходимо выработать какие-то правила или критерии, чего, к сожалению, до сего времени не сделано, хотя этот период многократно являлся объектом исследования. Э.М. Харрис предлагает несколько приемов выявления правдивых сообщений: 1) уделять большое внимание расхождениям между произнесенным текстом речи и опубликованным, что устанавливается путем сопоставления текстов речей обвинителя и обвиняемого; 2) если оратор ссылается на какой-либо документ или свидетельство, то это сообщение можно принять как правдивое, если же этого нет, то оно должно рассматриваться как сомнительное и требующее дальнейшего изучения. Ценность подобного подхода к источникам автор доказывает очень наглядно, показывая, что в речах обоих ораторов, когда они сообщают существенно различающиеся версии событий, никогда не бывает такой ситуации, когда они в равной мере ссылаются на документы или свидетельства. В подобных случаях один из них всегда приводит такого рода аргументы, а второй старается «проскочить» событие, упоминая его как нечто общеизвестное; 3) придавать особое значение тому, что именно подтверждали свидетели; 4) обязательно сверять утверждения ораторов с существовавшей тогда практикой афинской политической жизни; 5) четко отделять сведения, реально содержащиеся в документе, который цитирует оратор, от его интерпретации документа; 6) учитывать, была ли анализируемая речь обвинительной или защитительной, т.е. имел ли возможность участник процесса ответить на упреки противника или он произносил

речь последним. При втором варианте, как правило, смело пускались в ход самые неправдоподобные измышления, не имеющие отношения к действительности, тогда как в первом случае оратор вынужден держаться ближе к истине.

Строгое следование этим принципам приводит, как отмечает Э.М. Харрис, к тому, что только очень небольшая часть информации, сообщаемой Демосфеном и Эсхином, может быть использована для надежных исторических реконструкций. Однако, как он полагает, лучше опираться на эти немногие, но твердо установленные факты, чем создавать конструкции, опирающиеся на недостоверную информацию.

Э.М. Харрис достаточно строго использует выработанные им принципы критики источников и поэтому основные его выводы кажутся обоснованными. Поскольку в журнальной рецензии невозможно сколько-нибудь подробно изложить хотя бы самые основные положения книги, коснемся только того, что, как нам представляется, заслуживает особого внимания.

К числу таких вопросов, видимо, нужно прежде всего отнести соображения о происхождении Эсхина, его личном и социальном окружении, ранних годах его жизни. Эсхин, по мнению автора, происходил из семьи, которую можно считать принадлежащей к числу «средних» семей Афин, не обладавших ни значительным богатством, ни известными предками. Вместе с тем, и отец оратора, и он сам, и его брат служили голплитами, что позволяет отвергнуть предположение о большой бедности семьи. Эсхин однако имел одно преимущество по сравнению с большинством молодых людей его круга: его отец, который был какое-то время школьным учителем, смог дать ему и его брату традиционное образование, что очень помогло ему позднее. В годы юности Эсхин вынужден был работать, исполняя обязанности секретаря при различных магистратах (с оплатой 2 или 3 драхмы в день). Эти занятия в дальнейшем также очень ему помогли, дав ему знания афинских законов. Затем Эсхин выступает как актер, что тоже оказалось весьма полезным, дав опыт обращения к большой аудитории, столь необходимый политическому оратору. Эсхин включается в политическую деятельность уже в достаточно зрелом возрасте. Возможно, определенную помощь в этом оказала его удачная женитьба, поскольку его тесть принадлежал к «литургическому» классу и, очевидно, передал какие-то средства зятю в качестве приданого дочери. Во всяком случае, теперь Эсхину не нужно было заниматься каждодневным трудом для обеспечения своего существования.

Для вхождения в политику было несколько путей, но некоторые из них для Эсхина были закрыты. В частности, он не мог из-за явного недостатка средств выполнять какие-либо литургии, что автоматически повышало социальный престиж. Видимо, по причинам, связанным с его характером, Эсхин не хотел зарабатывать известность путем, который был для него возможен – выступая в судах с общественными обвинениями сограждан. Он выбрал путь более отвечающий и его характеру и его происхождению. Своим вхождением в политику Эсхин обязан Фокиону, под началом которого он служил во время афинской экспедиции на Эвбею в 348 г. до н.э. Во время решающего сражения этой кампании Эсхин настолько отличился, что был увенчан золотым венком в народном собрании. Именно тогда и началась длительная дружба между Фокионом и Эсхином. Очевидно, благодаря Фокиону Эсхин познакомился и подружился с Эвбулом, вскоре впервые выступил в народном собрании (поддерживая предложение Эвбула), а после принятия этого предложения был избран одним из послов для выполнения миссии в соответствии с этим решением экклесии. Именно так началась его общественная карьера. Благодаря Эвбулу Эсхин познакомился с несколькими важными на политической сцене Афин лицами (в том числе с Мидием). Очевидно, Фокион и Эвбул среди прочих достоинств Эсхина обратили внимание именно на его ораторские способности, тем более ценные для обоих, что ни тот, ни другой такими способностями не обладали. Таким образом, политическая карьера Эсхина оказалась после этого достаточно быстрой и достаточно успешной.

Прежде чем рассматривать отдельные эпизоды политической карьеры Эсхина, необходимо особо отметить главный вывод Э.М. Харриса. Он приходит к совершенно обоснованному, с нашей точки зрения, заключению, что Эсхин никогда не был и не мог быть агентом Филиппа. Он был афинским патриотом, который, однако, совершенно по-иному, чем Демосфен, понимал потребности своего родного полиса и, в соответствии с этим, строил и свою политику. Вместе с тем автор очень точно, как нам кажется, показывает основной источник политических ошибок Эсхина (и Демосфена). Оба были афинянами и афинскими патриотами, и оба в равной мере оказались заражены «афиноцентризмом», воспринимающая политику сквозь призму своих представлений о роли Афин в тогдашнем мире. Они по-прежнему считали Афины «центром мира» и поэтому политику Филиппа видели только в одном аспекте, хотя и по-разному. Для Демосфена вся политика Филиппа определялась желанием сокрушить Афины, для Эсхина, наоборот, главная цель политики македонского царя – достижение соглашения с афинским

полисом. Оба взгляда совершенно неправильны, оба не отвечали реалиям тогдашнего времени и оба приводили к фатальным ошибкам в их собственной деятельности и, в конечном счете, – в международной политике Афин.

Более конкретные выводы Э.М. Харриса можно сформулировать следующим образом. Конечно, нет никаких оснований говорить о существовании какой-то единой промакедонской партии ни в Афинах, ни в других городах Греции. В частности, позиция самого Эсхина очень серьезным образом отличалась и от позиции Исократ, и от позиции Демада. Кроме того, взгляды Эсхина в процессе развития политической ситуации неоднократно менялись. В самом начале своей политической карьеры Эсхин был настроен достаточно враждебно по отношению к царю Македонии, изменение же его позиции объяснялось не подкупом со стороны Филиппа, как пытался утверждать Демосфен, а все большим пониманием растущей мощи Македонии. Его политическая деятельность начинается в 348 г. до н.э. при поддержке Эвбула, который стремился объединить греков в сопротивлении македонскому царю. Афины первоначально пытались опереться на своих союзников в Северной Греции, но те один за другим пали в результате мастерских дипломатических и военных ударов Филиппа. Теперь же настала пора попытаться поднять всю Грецию для сопротивления Македонии.

Миссия Эсхина в Пелопоннес для осуществления этого плана оказалась обескураживающе безуспешной. Многие греческие города видели в Филиппе не угрозу, а возможного благодетеля при решении их бесчисленных мелких споров. Даже в момент начала переговоров с Филиппом в 346 г. до н.э. Эсхин не терял надежды объединить греков хотя бы для того, чтобы остановить его дальнейшее продвижение, однако греки предпочитали отдельные посольства к Филиппу в расчете на благодеяния с его стороны. Афиняне и сами стремились достигнуть такого соглашения с Филиппом, поскольку македонские завоевания во Фракии угрожали их владениям в районе Геллеспонта и соответственно ставили под угрозу снабжение Афин хлебом. Видя невозможность создать такой эллинский союз, Эсхин (как Демосфен и Филократ) выступил сторонником скорейшего заключения мира и союза, предложенного Филиппом.

В отличие от Демосфена, Эсхин никогда более не обращался к идее широкого союза греков против Македонии. И это было результатом не подкупа, а собственного тяжелого опыта.

Второе посольство в Македонию привело к еще большему отходу Эсхина от его первоначальных позиций. Он встретил здесь множество посольств из греческих городов, уговаривавших Филиппа вмешаться в «Священную войну». Эсхин, понимая, что это вмешательство неизбежно, старался добиться решения, наиболее выгодного для Афин. Хотя Филипп и не дал этого порочного обещания учитывать афинские интересы, тем не менее Эсхин считал, что царь это сделает. Он предполагал, что только Фалек и его непосредственное окружение будут наказаны, а Фокида в целом прощена, кроме того, города Беотии освободятся из-под власти Фив. Подобное решение проблемы оказалось бы весьма выгодным для Афин.

По возвращении посольства Демосфен обвиняет Эсхина и других послов в предательстве, а развернувшиеся позднее события придают его обвинениям еще большую убедительность: Филипп позволяет Фалеку избежать наказания, на Фокиду накладывается тяжелейшее наказание, а беотийские города остаются под властью Фив. Но эти действия продиктованы не желанием Филиппа «насолить» Афинам, как позднее утверждал Демосфен, а единственно собственными интересами и расчетами македонского царя.

Хотя Эсхин смог затем смягчить условия наложенного на Фокиду наказания, Демосфен и Тимарх хотели воспользоваться случаем, обвиняя Эсхина в несчастьях Фокиды. Однако их попытка расправиться с политическим противником не удалась: Эсхин выдвинул против своего обвинителя Тимарха встречное обвинение в безнравственности.

В этой ситуации Эсхин продолжал верить в обещания Филиппа, но переговоры с ним ничего не дали, и оратор оказался в сложном положении, так как пришлось защищаться от обвинений в том, что Эсхин поддерживал македонского царя, за взятки от него умышленно затянув переговоры. Враги македонской политики перешли в наступление, и Гиперид выступил с обвинениями в измене против Филократа, который, поняв, чем ему грозит процесс, бежал из Афин. Суд заочно приговорил его к смерти. Воодушевленный успехом Гиперида, Демосфен в 343 г. до н.э. начал против Эсхина процесс. Эсхин, благодаря поддержке Эвбула, Фокиона и Навикла, смог его выиграть. Но сам процесс подорвал репутацию Эсхина и ослабил влияние в народном собрании.

В это время, когда влияние Эсхина падало, а влияние Демосфена росло, последний снова пытается объединить греков в коалицию против Филиппа, и деятельность его оказалась более успешной, чем попытка Эсхина, предпринятая несколькими годами ранее. Причина заключается в том, что изменились обстоятельства. Ранее Филипп действовал в Северной

Греции, и полисы Средней Греции и Пелопоннеса не ощущали угрозы с его стороны, теперь же, когда Македония столь активно вмешалась в дела Средней Греции, многие стали осознавать опасность.

Когда война с Филиппом разразилась, Эсхин, естественно, защищал афинские интересы, как мог и как считал правильным. Он критиковал Демосфена, в частности, за недостатки в проведении реформы триерархии и отказ начать мирные переговоры с Филиппом. После поражения при Херонее Афины призвали Эскина, Демада и Фокиона выступить послами в переговорах с Филиппом, Эсхин смог добиться достаточно приемлемых условий мира, что, однако, не прибавило ему престижа, поскольку Афины все-таки лишились остатков своей империи.

Последняя фаза политической карьеры Эскина – до известного процесса о венке – время ожидания решающего удара со стороны Демосфена и его политических соратников.

После достаточно подробного рассмотрения конкретного хода политических и военных событий, как мы видели, Э.М. Харрис в коротком «Заклучении» снова обращается к общей оценке политической линии каждого из протагонистов. Он справедливо указывает, что оба, и Демосфен и Эсхин, были не правы в определении целей политики Филиппа, который отнюдь не хотел уничтожить Афины, как предполагал Демосфен (и его поведение после Херонее это доказывает), но и не хотел иметь в лице Афин могущественного союзника, как предполагал Эсхин. Единственное, чего желал Филипп – равновесия в Элладе, отсутствия возможности у какого-либо полиса создать сильную коалицию против Македонии. Таким образом, оба политических деятеля ошибались в главном, хотя и по-разному. Для Филиппа взаимоотношения с Афинами не составляли основу его политики. Афины были только одной из составляющих общей картины, но афинские патриоты никак не могли понять этого.

Таковы основные выводы Э.М. Харриса, создавшего достаточно прочную конструкцию, с которой мы в основном согласны. Уточним только некоторые вопросы. Например, в описании начала политической карьеры автор очень невысоко оценивает роль Навсикла, отдавая пальму первенства Фокиону (включая даже подбор новости для своего протеже). Между тем в одной из статей, предшествующих книге, эта роль оценивалась значительно выше и, как представляется, правильнее³. Гораздо более важная проблема, о которой следует сказать хотя бы несколько слов, – вопрос о политических группировках в Афинах в рассматриваемую эпоху. Э.М. Харрис справедливо отвергает старую идею относительно промакедонской «партии» в Афинах (как и в Элладе в целом), однако одного этого отрицания на современном уровне изученности, как нам кажется, недостаточно. Хотелось бы получить более принципиальное суждение о характере этих политических группировок. Без рассмотрения этой проблемы некоторые естественно встающие вопросы не получают адекватного ответа. Один из них – вопрос о том, следует ли видеть в Эскине лидера самостоятельной группы или только «рупор» других политиков⁴. Другим, без ответа на который трудно понять истоки конфликта между Эскином и Демосфеном, является вопрос об эволюции взглядов Демосфена. Как известно, в начале своей политической карьеры Демосфен также принадлежал к группе, возглавляемой Эвбулом⁵. Какие причины привели его к отходу от нее и созданию своей группы? Этот вопрос, видимо, можно решать только в рамках более общей проблемы – о характере политических группировок Афин IV в. до н.э. Еще один вопрос, который возникает в рамках этой же проблемы, – о политической дружбе Эскина и Мидия. Связи с Мидией неизбежно предполагают контакты с большой группой влиятельных в Афинах людей, которые принадлежали к так называемому «рудничному лобби»⁶. В какой мере связь с этой группой влияла на политические пристрастия Эскина? Наконец, последнее замечание – относительно причин конечного поражения Эскина. Все те соображения, которые в этой связи высказал Э.М. Харрис, вполне справедливы, однако, думается, им упущено одно достаточно важное обстоятельство. Процесс имел место семь лет спустя после Херонее, когда забылся ужас, охвативший город при известии о поражении, когда забылась и та огромная услуга, которую оказал городу Эсхин. С другой стороны, в годы восточного похода Александра контроль Антипатра в Афинах практически не ощущался, что создавало иллюзию безопасности для большинства граждан Афин и возродило у

³ Harris J.M. Demosthenes Loses a Friend and Nausicles Gains a Position: A Prosopographical Note on Athenian Politics after Chaeronea // *Historia*. 1994. 43. P. 378–384.

⁴ См. соображения по этому вопросу: Fox L. Aeschines and Athenian Democracy // *Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis* / Ed. R. Osborne, S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 135–156.

⁵ См. Mossé Cl. Politique et société en Grèce ancienne. Le modèle athénien. P., 1995. P. 106.

⁶ Данное заключение является результатом нашего исследования относительно XXI речи Демосфена («Против Мидия»).

них традиционный «имперский» взгляд на ситуацию, активно поддерживаемый Демосфеном и его сторонниками⁷.

Подводя итоги, скажем, что данная книга заслуживает высокой оценки и прежде всего за большую трезвость взгляда на события и участвовавших в них политических деятелей. Подкупает и достаточно твердое следование выработанным самим автором критериям в работе с источниками, что делает его выводы трудно уязвимыми для критики. Можно полагать, что созданная им политическая биография Эсхина – наиболее удачная и наиболее объективная среди всех жизнеописаний этого весьма незаурядного гражданина Афин. Вместе с тем, правильная оценка его политических позиций и деятельности позволяет лучше понять и общие процессы, имевшие место в Элладе того времени.

Л.П. Маринович

© 1997 г.

COHEN G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. University of California Press. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1995. XIII. 481 p. 12 maps.

Одним из феноменов в истории эллинистического мира, привлекающих наибольшее внимание исследователей, является огромная по масштабам колонизация путем создания новых городов и поселений иного типа, бывшая одной из самых характерных особенностей первого периода эллинизма. Несмотря на всю важность проблемы последняя попытка дать всеобъемлющую картину этого процесса относится к 1927 г.¹, хотя по частным вопросам, отдельным городам и регионам литература очень велика. Существуют также и различного вида общие очерки (чаще всего в форме особых разделов или глав в книгах, посвященных истории эллинизма в целом), но в них отсутствует деятельная проработка всего имеющегося материала.

Автор рецензируемой монографии поставил своей задачей дать отвечающую современному уровню изученности проблемы сводку, которая бы представила полный список тех новых населенных пунктов, которые были основаны в эллинистическую эпоху на территории Балканского полуострова, на островах (имеются в виду острова Эгейского моря, а также Крит и Кипр) и в Малой Азии².

Рецензируемая работа включает в себя «Предисловие», затем следует раздел «Исследования и источники», затем «Введение» (со следующими подразделениями: «Исторический фон», «Поселения и царя», «Географический обзор», «Цели создания поселений»). Наконец, после этого идут главы основной части, в которых рассматриваются в географическом порядке области эллинистического мира, где были созданы в эту эпоху новые населенные пункты: «Иллирия и Эпир», «Фракия», «Македония и Пэония», «Фессалия, Этолия и Беотия», «Пелопоннес», «Острова», «Троада», «Мисия и Элоида», «Иония», «Лидия», «Кария», «Фригия», «Ликия», «Памфилия», «Писидия и Ликаония», «Киликия», «Каппадокия и Галатия», «Понт и Пафлагония», «Вифиния». В конце книги – несколько «Дополнений», «Библиография» и «Указатели».

С самого начала отметим, что данная работа обладает некоторыми особенностями, которые отличают ее от предшествующей подобной сводки. Помимо само собой разумеющихся отличий, порожденных резко возросшим объемом материала и иным уровнем изученности проблемы в целом, имеются некоторые специфические особенности, о которых необходимо сказать особо. Прежде всего автор начинает свое исследование не со времени Александра Македонского, а со времени его отца и предшественника на македонском престоле – Филиппа. Во-вторых, обычно исследователи практически все внимание уделяют

⁷ О ситуации в Афинах в эти годы см. *Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56 сл.*

¹ Мы имеем в виду известную монографию В. Чериковера: *Tscherikover V. Die hellenistischen Städtgründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Lpz., 1927.*

² В «Предисловии» автор указывает, что он рассчитывает продолжить свое исследование и посвятить следующую книгу остальным регионам эллинистического мира.